

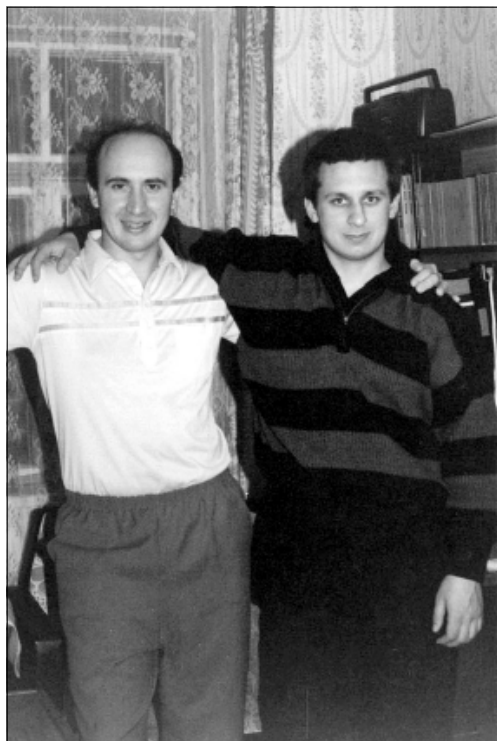
Воспоминания о семинарском друге

В июле 2019 года в вечность ушел мой однокурсник Геннадий Нефёдов. Несмотря на то, что со времени окончания нашей учебы прошло больше 20 лет, в моей памяти остался только тот Геннадий, вместе с которым мы четыре года постигали азы богословия на бакалаврской программе Одесской богословской семинарии. Другого Геннадия я себе представить не могу по простой, но, увы, прискорбной причине: расставшись в июне 1999 года, мы с ним больше не виделись... Поэтому, да простят меня его родные, для меня, как и, наверное, для других однокурсников, Геннадий Нефёдов навсегда останется Генчиком — прекрасным, добродушным, искренним, остроумным, веселым другом золотой поры моей жизни — учебы в семинарии.

Наша группа, в отличие от группы предыдущего набора, представляла собой довольно эклектичное собрание студентов, многие из которых, не исключая автора этих строк, нуждались не только в богословском образовании, но и в хорошей школе духовного развития. На общем фоне Гена выделялся удивительной цельностью характера, зрелостью, уверенностью в исключительной важности этапа обучения для собственного становления как служителя и богослова. Поразительно при этом то, что, обладая таким сочетанием качеств, Геннадий никогда не подавлял других, менее зрелых студентов, своей большей развитостью, не брал на себя роль наставника, не поучал, как жить и учиться.

Геннадий нес в себе огромный потенциал позитива и креатива. Его многое интересовало, он за многое брался. Его творческая натура искала выхода в разных семинарских и церковных служениях и мероприятиях. Творческое начало настолько кипело и фонтанировало в нем, что его с лихвой хватило на то, что Гена все четыре года практически единолично представлял группу на семинарских богослужениях («чаплах»). Он мог петь, сопровождая себе и другим на гитаре или на пианино, декламировать стихи, дирижировать, участвовать в сценках, сочинять стихи и песни по специальным поводам и без, проповедовать убедительно, выразительно, вдохновенно. Уверен, что из него получился бы очень яркий и самобытный актер. Его почти невозможно было переиграть в словесной «эквилибристике», умении жонглировать словами, создавая неожиданные перлы в виде точных афористичных фраз и остроумных реплик.

При всем своем жизнелюбии и оптимизме Геннадий не производил впечатление поверхностного человека, балагура и потешника, так сказать, по призванию. Иногда за веселостью и жизнерадостным взглядом проглядывали нотки грусти и раздумий. Я не знаю, о чем в это время думал Гена. Может быть, именно в эти моменты он размышлял о смысле всего, что делает, что собирался еще делать. Может, он в это время боролся с сомнениями и страхами... Не берусь утверждать, но, возможно, и к нему приме-

Геннадий Нефёдов (слева) и Вячеслав Герасимчук – студенты Одесской богословской семинарии.

нимы слова Ф.М. Достоевского: «через большое горнило сомнений моя осанна прошла...»

Будучи поэтом и хорошим музыкантом, Гена очень тонко чувствовал фальшь и даже малейший диссонанс. Он умел замечать и выражать то, что было скрыто и даже непонятно другим людям. Обладание подобной творческой интуицией и рассудительностью – один из признаков настоящей мудрости, которая определенно в нем присутствовала. Читая его статьи, написанные им в годы преподавания в Кременчугском библийском колледже, еще раз убеждаюсь в том, что Геннадий не вписывался в образ классического кабинетного богослова. Практически всё его богословствование имело очень четкую прикладную цель, оно было одной из составляющих его как служителя. Это можно

видеть хотя бы по названиям его статей: «Страдания и страдальцы», «Выбор спутника жизни и Божья воля», «Свобода и служение», «Единство сильных и немощных в церкви» (см. эти и другие статьи на сайте <http://www.invictory.com/library/author/207/>). Очевидно, что исходная установка автора выражалась не столько в желании открыть, доказать и указать, сколько в стремлении послужить, подставить плечо, пригодиться.

Однажды Гена предложил мне послушать альбом Николая Парфенюка «Королевский гамбит». Этот малоизвестный широкой публике концептуальный альбом, отсылающий слушателя к пьесе Эжена Ионеско «Король умирает», произвел на меня неизгладимый эффект. В нем на протяжении восьми песен повествуется о нескольких ключевых событиях из жизни короля: он воюет, завоевывает врагов и сердце любимой женщины, ищет смысл жизни, взывает к Богу («я на пороге – заперт замок в двери, если Ты слышишь, двери мне отвори...»), страдает и умирает. В последней песне, которая так и называется «Король умирает», поется о путешествии души к своему Творцу, Которому ей предстоит дать отчет. Заключительные слова песни: «Только Любовь в зачёт! Всё остальное – тлен!».

И тогда, и сейчас эта песня, как, наверное, никакая другая, побуждает меня к размышлению о конечном пункте своего поприща, за что я очень благодарен Геннадию. Не сомневаюсь, что его душа предстала пред Творцом с тем, что «в зачёт», вернее, с Тем, благодаря Которому этот «зачёт» производится.

Русский писатель и драматург Михаил Арцыбашев однажды выразил следующее суждение: “смерть убирает че-

ловека тогда, когда все, и дурное, и хорошее, что могла получить от него жизнь, — получено, мера дел его исполнена, и лицо его ясно перед Богом” (*О смерти Чехова*). Из телефонного разговора с женой Геннадия, Наташей, мне показалось, что она как бы косвенно подтвердила правомерность этой небесспорной теории в судьбе Геннадия. Он предчувствовал близость финиша, понимал, как бы это странно не прозвучало, логичность грядущего перехода («Я иду на встречу смерти — неизбежной, как закат...» — первые строки последнего стихотворения Геннадия)...

Мы все живем во времени и пространстве. Это утверждение само по себе — явный трюизм, однако оно заставляет задуматься о неминуемом моменте выхода из контекста времени и пространства. Таков порядок вещей:

* * *

Я иду навстречу смерти —
Неизбежной, как закат,
Чтобы выпасть с круговерти,
Где терзает боль утрат.

Может, это будет скоро,
Может, в ветхой седине,
В плачущей сиреной скорой
Или дома, в сладком сне.

После долгих пыток боли
Иль внезапно, словно тать...
Как угодно Божьей воле —
Мне заранее не знать.

Поле минное, поверьте,
Никому не перейти;
Один сразу в лапы смерти,
А другой — в конце пути.

время летит, пространство меняется, меняемся и мы — вплоть до того, что уходим из этой, привычной нам, земной юдоли и переходим в иную, пакибытийную, реальность. Закончилась “повесть временных лет” достойной жизни достойного человека. Несмотря на то, что теперь его *манускрипт* находится в Божьем архиве, те, кто знал Геннадия, могут, не только «взирая на кончину... жизни», но и вспоминая весь пройденный им путь, возблагодарить Бога за то, что этот замечательный человек был спутником на каком-то этапе их собственного жизненного пути. Многое уже стерлось в моей памяти о Геннадии, но осталось, как глубокий отпечаток, впечатление от общения с настоящим человеком, христианином и другом.

*Вячеслав Герасимчук,
Одесская богословская семинария*

И когда сей свет померкнет,
Я лишусь врагов, друзей,
В плач кого-нибудь повергнет
Поминальный круг речей.

В мыслях вспомнят и плохое,
Но озвучат лишь хвалу,
Помянут добро бывшее,
Но и то пойдет во мглу...

Мертвым многое прощают —
В этом важный смерти плюс.
Но простить всех, умирая,
Мог, наверно, лишь Иисус.

*Геннадий Нефёдов, 2019 г.
Последнее стихотворение Геннадия,
написанное за два дня до смерти.*